

Жѣ Свѣту

Адресъ редакціи:
Тверь, Милліонная ул.,
сл.б. домъ, № 34.

Контора редакціи открыта
ежедневно до 6 час. веч.

Еженедѣльный, иллюстрированный, внѣпартійный,
общественный и литературный журналъ.

Условія подписки съ при-
ложеніями и пересылкой:

на годъ . . . 4 р. — к.
на 6 мѣс. . . 2 р. 50 к.
на 3 мѣс. . . 1 р. 25 к.

№ 22-24.

1-15-30-го августа 1917 г.

№ 22-24.

Бесплатное приложеніе къ „ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

СОДЕРЖАНІЕ.

Рождество Пресвятой Богородицы В. Можжухина. Стих. А. Лисина. Животворящій Крестъ Господень. Цвѣтникъ и толпа стих. Чарушина. Нищія, свящ. Миролюбова. Христіанская оцѣнка гражданскихъ свободъ и ихъ осуществленіе въ современной Россіи (Продолженіе), С. Остроумова. Рабъ, Г. Я. Образцова. Мысли Мірянина, Г. Спировскаго. Безсиліе, А. Лисина. На зарѣ церковныхъ реформъ, свящ. Козубовскаго. Смерти, І. Клименко. Козлята (Продолженіе), Е. Богославскаго. По земельному вопросу. Отъ редакціи.

Рождество Пресвятой Богородицы.

„Сей день Господень,
радуется людіе: се бо
Свѣта чертогъ и книжа
Слова животнаго изъ ут-
робы процуде... (2 стих. на
Госп. воззв.).“

Пресвятая Дѣва Марія родилась отъ святыхъ и праведныхъ людей Іоакима и Анны. Великое счастье выпало на долю этихъ благочестивыхъ людей въ жизни, ибо они родили Ту Преблагословенную и Пренепорочную Дѣву, Которая наптіемъ Духа Святаго безъ истлѣнія родила Бога Слова—Сына Божія, воплотившагося на землѣ „насъ ради челоѣкъ и нашего ради спасенія“; а поэтому они именуется „Богоотцами“. Св. Іоакимъ происходилъ изъ колѣна Іудова и былъ изъ племени царя Давида. Св. Анна происходила изъ колѣна Левіина, изъ рода Ааронова, и была младшая дочь священника Матфана. Такимъ образомъ, Пресвятая Богородица была по отцу царскаго рода, а по матери—архіерейскаго, имѣла въ числѣ своихъ предковъ патріарховъ, первосвященниковъ, вождей, судей и царей и „была вѣнчана славою и честію—славою, какъ отъ корня царскаго прозябшая,—честію, какъ отъ архіерейскаго племени изростшая“. „Сіе же все бысть“, — говорятъ св. Димитрій Ростовскій—„смотряніемъ Божиимъ, да

Пречистая Дѣва будетъ Дщерь царска и архіерейска, имѣвшая родить Христа, Царя и Архіерея“.

Св. Іоакимъ и Анна жили въ галилеѣ въ г. Назаретѣ. Они, по выраженію церковной пѣсни, были „праведные въ законной благодати“, т. е. безусловно, насколько это было возможно, исполнявшіе всѣ заповѣди и предписанія закона Моисеева. Вся жизнь ихъ была проникнута духомъ любви къ Богу и милосердія къ ближнимъ. За ихъ добродѣтельную жизнь Господь наградилъ ихъ земнымъ богатствомъ; но къ этому тлѣнному земному богатству они не привязывали своего сердца. Все свое достояніе они дѣлили на три части: одну часть они жертвовали храму Божію и его служителямъ, другую—въ пользу странниковъ и бѣдныхъ, а третью употребляли для своихъ родныхъ и для себя.

Этимъ благочестивымъ супругамъ Божиимъ изволеніемъ было опредѣлено долгое время оставаться „безчадными“ т. е. не имѣть дѣтей, чтобы въ самомъ зачатіи и рожденіи Пречистой Дѣвы явились и сила благодати Божіей, и честь Родившейся, и достоинства родившихъ. Уже пятьдесятъ лѣтъ прожили въ супружествѣ св. Іоакимъ и Анна, но у нихъ не было дѣтей. Это имъ доставляло большое горе, потому что не имѣть дѣтей у евреевъ считалось великимъ несчастіемъ и называлось „поношеніемъ между людьми“ (Лук. 1, 25),

т. е. такимъ состояніемъ, которое подвергало ихъ насмѣшкамъ и пересудамъ злыхъ людей. Много и усердно праведные супруги молились Богу, чтобы Онъ, Всемогущій, даровалъ имъ дѣтей, но неплодство св. Анны очень долгое время не разрѣшалось. При этомъ они дали обѣщаніе посвятить на служеніе Богу родившееся дитя. Наконецъ, по Божіему изволенію, св. Анна зачала послѣ своего пятидесятилѣтняго супружества.

По прошествіи дней чревоношенія св. Анна родила Дочь Пресвятую, Пречистую и Преблагословенную Дѣву Марію, нашу Ходатаицу и начало нашего спасенія, о рожденіи Которой возрадовались небо и земля. По ученію св. Церкви, Пресвятая Богородица родилась по обыкновенному закону человѣческаго рожденія, но для тайны воплощенія Слова Божія, т. е. Иисуса Христа, „была предпочищена Духомъ Божіимъ по душѣ и тѣлу“. День рожденія младенца въ ветхозавѣтныхъ времена былъ днемъ радости для всей семьи, считался особенно знаменательнымъ, и въ достаточныхъ домахъ составлялъ ежегодный праздникъ. Для праведныхъ Іоакима и Анны, освободившихся отъ „поношенія безчадства“, день рожденія Преблагословенной Маріи былъ особенно радостенъ. Съ чувствомъ живѣйшей благодарности св. Іоакимъ принесъ великія жертвы Богу, а затѣмъ устроилъ въ своемъ домѣ большой пиръ. Всѣ знакомые его и родственники радовались, что онъ сподобился благословенія Божія и восхваляли Господа. Когда насталъ пятнадцатый день по рожденіи младенца, то, по обычаю іудейскому, новорожденную дочь назвали именемъ „Марія“, что значитъ: „госпожа и надежда“, такъ какъ, по ученію св. Іоанна Дамаскина, Она имѣла родить Господа, Который есть чаяніе языковъ“. и, сдѣлавшись Матерію Творца міра, „Она, дѣйствительно, стала Госпожею и Владычицею всего міра“.

Св. Младенца родители воспитывали со всею нѣжностію и заботливостію, зная, по откровенію Свыше, что отъ Него возсіяетъ свѣтъ міра и обновится человѣческое естество. Они, по словамъ св. Дмитрія Ростовскаго, «хранили растущую Марію, какъ зѣницу ока, и не только любили, но и почитали Ее своею Госпожею. Для ухода за

Преблагословенной Дочерью были избраны непорочныя еврейскія дочери. Преисполненная благодати Божіей, Пресвятая Откровица Марія обогащала невидимо тою же благодатию и праведныхъ родителей Своихъ. Какъ солнце лучами своими освѣщаетъ звѣзды небесныя, такъ и Пречистая Марія озаряла лучами благодати, Ей данной, св. Іоакима и Анну. Когда Божественной Отроковицѣ исполнилось три года, родители привели Ее въ храмъ Іерусалимскій для посвященія Ея Богу, согласно своему обѣщанію.

Такъ родилась на землѣ Пренепорочная и Пресвятая Дѣва Марія! Рожденіе Ея составляетъ великое торжество Православной Церкви. По словамъ св. Андрея Критскаго, „настоящій всерадостный день Рождества Пресвятыя Богородицы есть начало праздниковъ. Онъ служитъ дверію къ благодати и истинѣ“. „Днесъ иже на разумныхъ престолѣхъ почиваяй Богъ, престолъ святъ на землѣ Себѣ предуготова, утвердивый мудростію небеса, небо одушевленное челоуѣколюбемъ, содѣла: отъ неплоднаго бо корене садъ живоносенъ израсти намъ Матерь Твою, Иже чудесъ Богъ“... (1 стих. на Госп. возв.), радостно воспѣвается св. Церковь. Поистинѣ „рождество Твое, Богородице Дѣво, радость возвѣсти всей вселеннѣй; изъ Тебѣ бо возсія Солнце Правды — Христосъ Богъ нашъ“... (троп. Рожд. Пресв. Богор.).

Въ день Рождества Пресвятыя Богородицы веселись небо и ликуй земля, прославляя Богоизбранную отъ всѣхъ родовъ Пречистую Дѣву Марію, Которая есть посрелница закона и благодати, Начатокъ нашего возсозданія и Предѣлъ божественныхъ намъ обѣтованій, Которая есть палата Слова, одушевленный Кивотъ и огнезратный Престолъ Владычній! Въ „сей день Господень радуйтеса, людіе“, и веселитеса, взывая благодатной Дѣвѣ Богородицѣ: „Просвѣти Ты, Богородительнице, родившая Свѣтъ, насъ, торжествующихъ духомъ свѣтоносное Твое Рождество, и яви, Пречистая, насъ причастниками будущаго блаженства, и Твоими всеильными молитвами подай намъ мѣръ, отъ бѣдъ избавленіе и велію милость“.

Владиміръ Можжухинъ.

* * *

То было давно!.. Но, мой братъ!
Ты въ сердце свое загляни
Тамъ страсти, тамъ злоба... Стократъ
Христа распинали они!
Вѣдь, такъ же, какъ злой ученикъ,
Ты продалъ его за сребро,
И въ сердце духъ злобы проникъ,
Смѣшнымъ тебѣ стало добро!
Ты міромъ живешь, а Христа,
Ругаясь, смѣясь, распялъ!
Онъ умеръ въ тебѣ!.. Но съ креста

Тебя Онъ къ Себѣ призывалъ!
Иди же, иди же скорѣй!
Вѣдь, слышишь, что церковь зоветъ!
Слезамъ тамъ сердце согрѣй,
Пусть сгинетъ невѣрія ледъ!
Чтобъ въ день, когда каждый такъ радъ,
Въ тотъ день, когда нѣтъ уже слезъ,
И въ сердцѣ твоёмъ, милый братъ;
Воскресъ бы умершій Христосъ!

А. Лисинъ.

Животворящій Крестъ Господень.

Крестъ былъ извѣстенъ роду человѣческому еще задолго до пришествія Христа Спасителя въ міръ. Но девятнадцать вѣковъ тому назадъ это было орудіе мучительной и позорной казни, предметъ ужаса и отчаянія. И для язычника и для іудея не было большаго безчестія и безславія, какъ умереть на крестѣ. Іудеи въ ужасѣ и отчаяніи бѣжали отъ креста, потому что ихъ законъ смотрѣлъ на смерть на крестѣ, какъ на проклятіе Божіе. Умереть на крестѣ, по ихъ представленію, означало не просто умереть, а нѣчто болѣе ужасное, означало быть исключеннымъ изъ сыновъ Авраама и, слѣдовательно, потерять всякое право на участіе въ великихъ обѣтованіяхъ Божіихъ, данныхъ этому праотцу. Язычники трепетали одного только имени, одного вида креста. И для нихъ быть осужденнымъ на крестъ значило не просто быть осужденнымъ на смерть, но на вѣчный позоръ и забвеніе въ памяти людей. Все, что было славнаго и великаго въ язычествѣ или считало себя таковымъ, не могло быть подвергнуто такой поносной казни. Римляне, безчеловѣчно уставлявшіе крестами съ распятыми на нихъ свои дороги, прибѣгали къ такому рода казни только для наказанія и устрашенія покоренныхъ народовъ, чужеземцевъ и самыхъ негодныхъ людей, бунтовщиковъ, мятежныхъ рабовъ и т. п. Но распять на крестѣ римскаго гражданина было не мыслимо.

„Крестъ удѣлъ отверженныхъ“, думалъ древній человѣкъ. И если бы ему кто-либо осмѣлился сказать, что крестъ, на которомъ она распиналась, отребіе человѣческаго общества, содѣлается со временемъ предметомъ глубочайшихъ вождедѣній и святыней міра, то такая мысль была бы сочтена величайшей нелѣпостью и самымъ отъявленнымъ безуміемъ. Настолько презрѣнно и унижительно было, по понятіямъ древнихъ, это орудіе.

Не то, однако, мы видимъ въ послѣдніе девятнадцать вѣковъ и въ настоящее время. Лишь только совершилось то безпримѣрное въ жизни міра событіе, когда Сынъ Божій благоволилъ плотию взыти на крестъ и смерть претерпѣти, лишь только Голгоѳа, а съ нею весь міръ увидѣли Распятаго за ны и Умершаго на крестѣ, тотчасъ же послѣдовалъ чудный и изумительный переворотъ во взглядѣ людей на крестъ. Предметъ ужаса и отчаянія вдругъ сдѣлался достопоклоняемой святыней. Страшное орудіе, при одномъ имени котораго приходилъ въ отчаяніе іудей и брезгливо отворачивался язычникъ, сдѣлалось предметомъ проповѣди того великаго ученія, что Распятый на крестѣ крестомъ примирилъ Бога и человѣка, побѣдилъ діавола и даровалъ правду и милость грѣшному міру. Орудіе позорной смерти превратилось въ символъ жизни и безсмертія, и предметъ вождедѣнія для безчисленнаго множества послѣдователей Христа Распятаго. Смерть на крестѣ—вѣчный позоръ для іудея и язычника—въ глазахъ христіанина приобрѣла совершенно иной смыслъ и значеніе. Тысячи людей почитали для себя за безконечное блаженство умереть на крестѣ и молили объ этомъ, какъ о величайшемъ

счастіи. Милліоны людей почившихъ и живущихъ ежедневно и ежечасно взирали и взираютъ на Крестъ, какъ на такой предметъ, выше, священнѣе котораго для нихъ нѣтъ ничего въ этомъ мірѣ. Къ подножію Креста ежедневно несутся человѣческія скорби и человѣческая радость. Здѣсь разлаются для нихъ тяжкія воздыханія и вопли обездоленныхъ. Сюда идутъ и тѣ, для которыхъ, по видимому, ничего не осталось въ этой жизни, кромѣ безпросвѣтнаго отчаянія и безысходной тоски; идутъ униженные, оскорбленные, гонимые и озлобленные. Сюда идутъ и стоящіе на высотѣ возможнаго для человѣка на землѣ счастья. Идутъ всѣ безъ различія пола, возраста, положенія и состоянія: старцы и мужы, жены и дѣвы, юноши и дѣти, цари и владыки, знатные и простые, богатые и убогіе. И многіе по собственному опыту, знаютъ, насколько сладостна и отрадна бываетъ молитва у Креста. Силою Креста умягчаются гордыя и закоренѣлыя сердца. Молитва у Креста спасаетъ отъ преступленій и отчаянія, возбуждаетъ надежду и упованіе, подаетъ утѣшеніе и отраду.

Подъ сѣнію Креста проходитъ вся наша жизнь; едва мы только появляемся въ этомъ мірѣ, тотчасъ же при крещеніи намъ дается крестъ, какъ щитъ и знамя побѣды, побѣдившей міръ—вѣры нашей. Едва мы въ младенчествѣ бываемъ въ состояніи владѣть рукой, какъ матери уже учатъ насъ полагать на себѣ крестъ и обращаютъ наши взоры къ этому знаменію Божіей милости къ намъ. И мы устремляемъ туда и свѣтлый взоръ юности. Ко Кресту устремляется и потухающій взоръ старости. Крестомъ осѣняются отходящіе и отшедшіе въ вѣчную жизнь. Крестъ водружается на мѣстѣ вѣчнаго успокоенія чтущихъ его.

Подъ знаменемъ Креста наши братья—христіанскіе воины—умираютъ и побѣждаютъ враговъ. Во имя и въ честь Креста совершаются дѣла милосердія и любви, состраданія и помощи обездоленнымъ и страждущимъ. Красный крестъ на полѣ брани такая святыня, на которую не омѣливается подняться рука непріятели. Силою Креста мы нерѣдко избавляемся отъ опасностей, по видимому неизбѣжныхъ и не отвратимыхъ. Крестомъ слабые побѣждаютъ сильныхъ, смиренныя гордыхъ, Креста боятся трепещутъ демоны. Крестомъ мы украшаемъ наши жилища. Крестъ сіяетъ на безчисленныхъ храмахъ Божіихъ во всей вселенной, и мало уже такихъ мѣстъ на землѣ, гдѣ бы не было видно креста и гдѣ бы ему не воздавались почтенія и поклоненія. Въ честь его воздвигаются храмы и алтари. Его церковь прославляетъ въ пѣснопѣніяхъ и величаетъ „животворящимъ деревомъ, деревомъ преблаженнымъ, щитомъ вѣры, знаменемъ побѣды, непобѣдимой побѣдой, источникомъ жизни и безсмертія“. Ему она поклоняется и къ тому же приглашаетъ и насъ, когда поетъ: „Приидите, вѣрніи, животворящему древу поклонимся, на немъ же Христосъ Царь славы, волею рущъ распростеръ“ (Стих. крест.). И мы, въ свою очередь, благоговѣнно поклоняемся ему, съ вѣрою и любовью чтимъ его и лобызаемъ. Такую славу, честь и поклоненіе мы воздаемъ Кресту потому,

что на немъ *распяся Христосъ*. Ко кресту были пригужены Его пречистыя руки, по немъ струилась Его безцѣнная кровь. Крестомъ Христосъ побѣдилъ смерть и даровалъ намъ вѣчную жизнь и спасеніе. Слѣдовательно, почитая и прославляя крестъ и воздвигая въ честь его храмы и алтари,

мы тѣмъ самымъ воздаемъ поклоненіе тому святейшему орудію, тому животворящему древу крестному, которое было обогрено кровію Сына Божія. Придите же, вси вѣрніи, Животворящему Древу поклонимся.

ЦВѢТНИКЪ и ТОЛПА.

(Аллегорія).

Цвѣтникъ роскошный я въ своемъ саду устроилъ. Садовникъ опытный въ немъ клумбы разбивалъ. И всякій, проходя, цвѣтами любовался Сквозь крѣпкую рѣшетку сада, и не разъ На лицахъ проходящихъ замѣчалъ я Какъ-будто зависть,—что такимъ же садомъ Не могутъ обладать они. Сначала Въ свой садъ пускалъ я избранныхъ друзей.

Потомъ сломалъ рѣшетку, съ гѣмъ, чтобъ каждый, Кому угодно, въ садъ тотъ могъ войти И погулять, и ароматъ вдохнуть цвѣтовъ, И разсмотрѣть поближе ихъ... Но что-же?— Лишь только съ улицей соединился садъ, Какъ хлынула въ него нестройная толпа— И все цвѣты, съ землей смѣшавши, растоптала. *Чарушинъ.*

НИЩІЕ.

Отъ всей души привѣтствуемъ новую власть. Радость наша неопишима. Ни одно сословіе не можетъ испытывать такой радости, какъ мы, потому что положеніе наше раньше было ужасное, невыносимо-тяжелое, тяжелѣе всѣхъ...

Подъ чѣмъ гнетомъ только ни находилось наше униженное и оскорбленное, много-страдальное и безправное духовенство?

Мы были подъ гнетомъ своего епархіальнаго начальства, подъ гнетомъ училищной полиціи, подъ гнетомъ мѣстной администраціи, подъ гнетомъ помѣщиковъ, подъ гнетомъ каждаго горлопана и богача!

Кто только насъ ни оскорблялъ за пяточокъ? Мы, пастыри церкви, строители Тайнъ Божіихъ (1 Кор. 4, 1), поставленные вязать и рѣшить грѣхи челоуѣковъ,—должны вѣчно ходить съ протянутой рукой, принуждены вѣчно кормиться милостыней,—ради Христа, милостыней, которую часто подаютъ намъ не добровольно, а съ оговоркой, упрекомъ, иногда съ насмѣшкой!

Если бы спросили насъ, какимъ способомъ мы добываемъ себѣ средства къ жизни? Намъ пришлось бы просто отвѣтить: „мы нищіе.“ Но наше положеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—плоше нищаго.

Нищій—свободный гражданинъ. Его приходъ никѣмъ и ничѣмъ не ограниченъ. Онъ можетъ заходить куда—угодно, въ кинематографъ, въ театръ, мы—не можемъ.—Онъ, когда угодно, можетъ перемѣнить свою профессію, мы—нѣтъ.—Онъ, охотѣвъ, можетъ жениться, намъ нельзя. Наконецъ, онъ имѣетъ право не ходить за милостыней къ дурному хозяину, а мы вынуждены идти въ домъ къ своему обидчику, должны просить хлѣба у своего врага!

Граждане! Кто изъ васъ согласенъ испытывать такое униженіе? Граждане! Вы все хорошо знаете, какъ горекъ хлѣбъ огсворенный, полученный изъ рукъ недобраго челоуѣка!

Можетъ ли быть что либо тяжелѣе и позорнѣе этого для пастыря?

— Влѣдствіе нашего нищенства мы не получаемъ должнаго уваженія отъ прихожанъ, наоборотъ, видимъ неуваженіе къ намъ, озлобленіе и зависть.

— Влѣдствіе нашего нищенства, дѣти наши бѣгутъ изъ духовнаго званія.

— Влѣдствіе нашего нищенства мы ни въ церкви, ни въ обществѣ не можемъ обличать пороки богача, кулака, міроѣда.

Наоборотъ, такимъ тузамъ приходится кланяться. Приходится молиться на богача и за богача.

Иначе онъ не дастъ намъ и нашему причту и семейству не дастъ хлѣба—и подговоритъ другихъ не давать...

Вслѣдствіе нашего нищенства мы лишены возможности помочь прихожанину въ бѣдѣ и горѣ, утѣшить его. Наоборотъ. Умеръ у бѣдняка самый дорогой членъ семьи, послѣдній кормилецъ.

Отпѣваемъ въ церкви покойника. Нѣтъ словъ описать горе и слезы семьи. И пастыри, ангелы церкви (Апок. 2, 1, 8), апостолы мира и любви, вмѣсто помощи и утѣшенія, и здѣсь принуждены оправдывать пословицу: „драть и съ мертваго. Такъ, наше положеніе даже плоше нищаго. Кромѣ того, нищій самъ себѣ выбираетъ приходъ, а сейчасъ приходъ будетъ выбирать себѣ пастыря.

Правда, много льготъ и свободъ намъ дано новымъ правительствомъ. Но во что обратятся эти льготы, если будетъ отдѣленіе церкви отъ государства, если будетъ выборное начало, а не будетъ дано опредѣленное жалованье.“

Что съ нами будетъ, когда неинтеллигентному гражданину вздумается по своему вкусу подобрать себѣ пастыря?

Не придется ли намъ чаще странствовать изъ прихода въ приходъ по капризу каждаго горлопана. Не больше ли придется тогда терпѣть тому, кто не имѣетъ личныхъ качествъ?

Куда дѣваться тогда людямъ старымъ, слабымъ, малорослымъ, безголосымъ и т. п.? Увы! Горе пастырю, отданному въ руки несбразованной толпы!

Чтобы избѣжать пастырю униженія, чтобы прекратить наше нищенство, позорящее насъ, наше Правительство и всю Россію,—конечно, необходимо духовенство обезпечить жалованьемъ.

Вполнѣ надѣмся, что Церковный Соборъ изъ духовенства и мірянъ войдетъ въ настоящее положеніе нашего православнаго духовенства и избавитъ его отъ тяжелой обязанности нищенствовать и назначитъ опредѣленное жалованье.

Свящ. В. Мирюлюбовъ.

Христіанская оцѣнка гражданскихъ свободъ и ихъ осуществленіе въ современной Россіи.

(Окончаніе).

VI.

Мы рассмотрѣли добытыя революціей свободы. Не трудно видѣть, что онѣ имѣютъ тѣсную связь между собою, даже повторяются одна въ другой.

Всѣ эти свободы были обѣщаны народу еще 17 октября 1905 г. Почему же обѣщаніе не было выполнено? Причины двѣ: одна въ правительствѣ, другая въ обществѣ. Власть дала обѣщаніе свободъ неискренно, вынужденно, а потому рада была воспользоваться всякимъ стеченіемъ обстоятельствъ къ неисполненію обѣщаній. Во главѣ правительства стояли люди, въ большинствѣ не расположенные къ осуществленію свободъ.

Съ другой стороны, только умѣренная часть интеллигенціи и рабочихъ встрѣтила манифестъ о свободахъ съ удовлетвореніемъ, а крайніе элементы, правые и лѣвые, каждый по своему были недовольны манифестомъ. Однимъ претило слово конституція, другіе чаяли ниспроверженія монархизма и назначенія учредительнаго собранія. Это называлось у нихъ: „последнимъ липкомъ раздавить гадину“. Имъ видѣлось, какъ и нынѣ, скорое и легкое осуществленіе социалистическихъ мечтаній. Погнавшись за журавлемъ, они спугнули и синицу. Наступила длительная двѣнадцатилѣтняя реакція. Какъ все тогдашнее напоминаетъ нынѣшнее: манифестаціи, враждебно встрѣчаемая, бунты матросовъ, баррикады въ Москвѣ, забастовки, требованія, республики въ Красноярскѣ и др. мѣстахъ, разграбленіе и поджоги помѣстій, бойкотъ выборовъ въ Г. Думу, крики противъ капитализма и буржуазіи, крестьянскіе союзы, рабочіе депутаты съ Писаремъ во главѣ, стремленіе низовъ забраться на верхи и раздавить эти верха, непониманіе, невѣжество, раздраженіе, провокація, рознь, повтореніе басни Лебедь, Ракъ и Щука и басни Мененія Агриппы о членахъ тѣла, незахотѣвшихъ кормить желудокъ.

Но если мы переживемъ эту неразбериху, дождемся Учредительнаго Собранія, дождемся мира, то наступитъ ли золотой вѣкъ, который многіе народы предпочитали видѣть не въ концѣ человѣческой исторіи, а въ началѣ ея?

Исторія не даетъ намъ права на такую надежду. И въ тѣхъ странахъ, которыя сотни лѣтъ пользуются всеми свободами, не достигнуто благополучіе большинства. Такова Англія съ своимъ величайшимъ въ мірѣ городомъ Лондономъ. Взойдите въ этотъ городъ при свѣтѣ дня: какой блескъ, какое богатство, какая сила разума, какія зданія и какой порядокъ. Чудо свѣта. Но ночью продвиньтесь къ окраинамъ этого чудо-города и вы увидите сотни тысячъ людей въ крайней нищетѣ, одичалости, голодѣ, порокахъ, болѣзняхъ, преступленіяхъ съ дѣтскаго возраста, безвѣрїи и скрежетѣ зубовномъ. Что картины Дантова-Ала предъ этой дѣйствительностью!

Какъ государство можетъ быть производителемъ счастья, коль скоро оно не даетъ человѣку внутренней свободы и само есть ничто иное, какъ организованное насилие. Въ немъ никогда не исчезнутъ суды и темницы. При социалистическомъ и коммунистическомъ строѣ государственное на-

силіе будетъ еще шире. При первомъ человѣкѣ не будетъ имѣть свободы въ выборѣ работы, второй стѣснить домашнюю жизнь человѣка.

Если бы совершенный политическій строй не былъ мечтой, то развѣ онъ могъ бы устранить изъ жизни человѣка то, что составляетъ подлинное несчастье: болѣзнь, старость, смерть, разлуку, сомнѣнія, ревность, измѣну, неравенство, вражду, зависть? Политическая жизнь народовъ явно улучшается, но еще быстрѣе растетъ горе. Семья, лучшій пріютъ довольства, падаетъ, разводы и самоубійства множатся. Есть уже дѣти самоубійцы, дѣти преступники. Нѣтъ рая на землѣ. Гѣте, прожившій многіе годы въ добромъ здоровьи, почетѣ, богатствѣ, едва находилъ нѣсколько дней, въ которые онъ не могъ назваться несчастнымъ. Жоржъ -Зандъ написала: „въ потокѣ человѣческой жизни нѣтъ болѣе бѣдственной страницы, какъ та, на которой написано: „исполненное желаніе“. Слѣдовательно, мы и придумать то себѣ счастья не способны. Умъ и знанія не помогаютъ добывать счастье. „Во многій мудрости много печали“, говоритъ Соломонъ. Есть поучительная сказка. Больному царю сказали, что онъ тогда только выздоровѣетъ, когда на него надѣнутъ рубашку счастливаго человѣка. Послѣ долгихъ поисковъ счастливаго, царскій сынъ мимоходомъ услышалъ, какъ въ хижинѣ кто-то говоритъ: „вотъ, слава Богу, наработался, наѣлся и спать лягу. Чего еще мнѣ нужно?“ Но когда къ этому счастливцу пришли за рубашкой для царя, оказалось, что онъ, по бѣдности не имѣлъ и рубашки.

Среди общаго недовольства счастливыѣ другихъ дѣти и дикари.

Счастье и не составляетъ задачи человѣческой жизни: оно не есть добро. Злой наслаждается обманомъ, воровствомъ, обидой, чужимъ горемъ. Счастье не есть правда: различные люди въ разномъ видятъ счастье или только удовольствіе одинъ его находитъ въ трудѣ, въ наукѣ, въ дружбѣ, другой въ водкѣ, въ азартной игрѣ въ тираннїи.

И люди не ставятъ въ основу общежитія, добро и правду, что дало право поэту спрашивать:

Отчего подъ ношей крестной
Весь въ крови влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?
Кто виной? Иль силѣ правды
На землѣ не все доступно?

Ранѣ поэту такіе вопросы задавали року вдохновенные библійскія пророки.

Если нѣтъ полноты счастья въ мірѣ, то все же позволительно желать благополучія. Это благополучіе и въ свободной Россіи можетъ быть добыто только трудомъ и жертвами, а не придетъ само собой. Обычно съ свободами приходитъ не единство, а раздѣленіе. Въ Россіи теперь десятки борющихся партій. Нельзя ожидать, что и ра-

бота Учредительнаго Собранія будетъ покойной. „Власть народу“—это красиво только на плакатѣ. Торжествовать будетъ не народъ, а большинство. Мы видѣли, какъ оно создается. Во Франціи и Англии его умѣютъ создавать кабатчики и трактирщики, что утверждаетъ солиднѣйшій ученый Г. Спенсеръ. Но хотя бы и правильно образованное большинство,—всегда ли оно на сторонѣ справедливости и добра? Большинство — толпа, а толпа стихійна, легкомысленна, слѣпа и перемѣнчива. Нынѣ она кричитъ: осанна, а черезъ пять дней: распни!

Въ чемъ же еще условіе человѣческаго благополучія? Въ прогрессѣ? Но прогрессъ—только старѣніе человѣчества. Ни телефоны, ни аэропланы, ни радіи никого не сдѣлали счастливымъ. Всѣ усовершенствованія служатъ безразлично и добру, и злу.

Кто же благополученъ? Одинъ поэтъ прежнихъ временъ отвѣтилъ: „Богъ, и кто болѣе подобенъ Ему“. (Петрарка). Да испытавъ все и не найдя покоя своей истомленной душѣ, человѣкъ вернется къ религіи. Штеккеръ рассказываетъ, что одинъ узникъ въ одиночномъ заключеніи имѣлъ только Библію и молитвенникъ. По выходѣ изъ тюрьмы онъ сказалъ:

— Я былъ невѣрующимъ и жилъ нечестиво. Но Библия сдѣлала меня свободнымъ прежде, чѣмъ отворились двери тюрьмы. Я позналъ Бога и понялъ сладость и силу молитвы.

Съ свободами началась уже усиленная борьба противъ вѣры. Эта борьба находитъ удобную почву въ народѣ. Религіозное состояніе народа переходное. Его вѣра доселѣ была механическая, обрядовая и малосознательная. Знаніе вѣры въ народѣ ничтожно. Не только сектантъ, который во что нибудь да вѣруетъ, но и всякій прохоидецъ безъ вѣры и убѣжденій можетъ осмѣять православіе, и русскій простецъ окажется предъ нимъ безотвѣтнымъ.

Какъ много теперь уже невѣровъ между интеллигенціей и рабочими! Но религія неистребима въ душѣ человѣческой. Перестающій вѣрить въ Бога начинаетъ вѣрить въ идоловъ: деньги, роскошь, чувственность, гордость; не въ этомъ ли и корень алкоголизма? Алкоголизмъ есть тоска по Богѣ, по вѣчному; алкоголизмъ есть духовный голодь. Пробудите религіозное настроеніе въ алкоголикѣ, и онъ пойдетъ на встрѣчу трезвости. А пока въ его душѣ на мѣстѣ Бога пустота, напрасно вы ему внушаете о пользѣ трезвости для здоровья, для чести, для семьи, для хозяйства. Все это временное и условное, а его душа не находитъ вѣчнаго.

Лѣтъ сорокъ назадъ стирикъ Салтыковъ мрачно предрекалъ: Чумазый идетъ! Онъ слопаетъ Россію, слопаетъ крестьянство. Подъ чумазымъ Салтыковъ разумѣлъ кулака, міроѣда. Онъ и приходилъ, но нашествіе его было не грознымъ, а жалкимъ. Онъ былъ неорганизованъ, одинокъ. Пограбивъ нѣсколько времени слабыхъ людей, онъ или успокаивался, или спивался, или умиралъ, не оставивъ продолжателей своей грабительской политики. Лишь теперь пришелъ чумазый, организованный, рѣшительный. Онъ захватываетъ власть, беретъ за оружіе, называетъ себя борцемъ за революцію, приписываетъ себя успѣхъ революціи, смѣло стоитъ за свои личные

интересы, соединивъ ихъ съ классовыми, предъявляетъ невозможныя требованія, ничѣмъ не желаетъ жертвовать для блага родины, а всего менѣе своею жизнію: онъ трусь на фронтѣ, но смѣло нападаетъ на безоружныхъ, захватываетъ дворцы, дачи, типографіи, грабитъ магазины и винные погреба, жжетъ дома землевладѣльцевъ, захватываетъ луга, нивы, продукты и орудія производства, арестуетъ, убиваетъ, клеветаетъ, бранитъ правительство и буржуазію, хвалится, грозитъ, съѣтъ раздоръ и недовѣріе, понимаетъ свободу, какъ разгулъ низкихъ страстей, оторвавъ свободу отъ братства и равенства. У него нѣтъ ни Бога, ни родины. Сотни лѣтъ предки собирали Россію, з этого Чумазый, если дать ему волю, расточить ее въ годъ.

Всеу этотъ Чумазый называетъ себя революционеромъ. Революционеры любятъ отчизну и готовы жертвовать за нее жизнію. Когда Дантэсу предложили уйти за границу для спасенія своей жизни, онъ возразилъ: „развѣ я могу унести родную землю на подошвахъ своей обуви?“ И нашъ русскій царь-революционеръ говорилъ предъ Полтавской битвой: „а о Петръ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жила бы Россія въ славу и чести“.

Въ появленіи Чумазаго, въ его силѣ виновато прошлое Россіи: вѣка невѣжества, гнета и грубости. Пока еще мы можемъ утѣшать себя тѣмъ, что не всѣ рабочіе, не всѣ солдаты и крестьяне идутъ за Чумазымъ. „Не умеръ Богъ въ душѣ людей“. Одно непонятно: несмотря на мрачныя предсказанія, народъ такъ величественно и спокойно принялъ свое освобожденіе въ 1861 г., а черезъ 56 лѣтъ значительная часть этого народа сдѣлалась игрушкой въ рукахъ Чумазаго. Одна ли война здѣсь виновата?

8.

Въ концѣ нашей бесѣды что же пожелать намъ для Россіи? Пожелать ли ей военной мощи? Да, она нужна эта мощь не только сейчасъ, въ дни борьбы со врагомъ внѣшнимъ и внутренней междоусобицы, но и послѣ заключенія мира. Мечтать о всеобщемъ разоруженіи еще рано. Хотя бы власть надъ народами перешла къ пролетаріямъ, но мы видимъ, что нѣмецкіе пролетаріи—рьяные сотрудники Вильгельма. Да и наши ленинцы и большевики трусливы только на фронтѣ, а въ Петроградѣ проявляютъ достаточныя боевыя наклонности... Но военная мощь не обезпечиваетъ существованія страны. Кароагенъ обладалъ этой мощью, но погибъ. „Войско—страны не защита“, особенно въ нынѣшнее время, когда воины перестаютъ быть механическимъ орудіемъ въ рукахъ власти.

Пожелать ли странѣ развитія производительныхъ силъ, экономическаго благосостоянія и хорошихъ финансовъ? Все это—добро для страны разоренной и отсталой, все это необходимо при нашей страшной задолженности, когда мы должны будемъ ежегодно изыскивать миллиарды на уплату процентовъ по внѣшнимъ и внутреннимъ займамъ. Но все это не внесетъ успокоенія въ страну, не дастъ ей единства. Могучъ и великъ былъ Римъ, но онъ при всемъ своемъ богатствѣ и благоустроенности палъ отъ ударовъ нестройной толпы бѣдныхъ кочевниковъ.

Пожелать ли странѣ образованности? Да, умноженіе разсадниковъ просвѣщенія низшихъ, среднихъ и высшихъ техническихъ, профессиональныхъ и общеобразовательныхъ—насушная потребность страны. Богатства наши неразработаны, земледобработка хищническая. Оттого такъ дурно воспринята нами свобода, что наши рабочіе, солдаты и крестьяне агитированы, но не воспитаны, озлоблены, но темны и не разбираются въ массѣ новыхъ словъ и понятій. Нужно намъ образованіе. Но въ немъ ли спасеніе? Оно ли скуетъ Россію? Спасены ли были расцвѣтомъ наукъ и искусствъ, промышленности и торговли отъ упадка греческія республики?

Пожелаемъ странѣ правды. „Правда возвышаетъ народъ“. „Стоитъ ли жить во тьмѣ заблужденій? Стоитъ ли жить, если правда мертва?“ Съ правдой намъ придутъ бодрость, сила, богатство, просвѣщеніе. Съ правдой придетъ религиозная любовь къ отчизнѣ.

На мѣсто раздѣляющихъ лозунговъ: „пролетаріи, всѣхъ странъ соединяйтесь“, поставимъ Христово слово: „да вси едино будутъ“. На мѣсто клича: „въ борьбѣ ты обрѣтешь свое право“, поставимъ слова св. апостола Павла: „будьте братолюбивы другъ къ другу съ нѣжностію. Въ почительности другъ друга предупреждайте. Благословляйте гонителей вашихъ, благословляйте, а не проклиняйте“. (Рим. 12, 10 и 14. Читается въ 6 нед. по Птд.)

При этихъ лозунгахъ мы могли бы „знать и вѣрить, что какъ бы то не было, а впереди огни“ (Короленко).

Каждый день и не одинъ разъ мы молимъ Владыку народовъ: „да придетъ царствіе Твое“, царство, чуждое насилія, царство мира, правды, Духа и свободы, то „общее царство“, о которомъ говоритъ пасхальное слово Златоуста.

Прот. Ст. Остроумовъ.

Л. Я. Образцовъ.

Р А Б Ъ.

И умеръ бѣдный у ногъ
Непобѣдимаго владыки.
(Пушкинъ).

Воспрянулъ рабъ. Увѣренъ, гордъ,
Поднялся мощный сынъ природы,—
А грянулъ красочный аккордъ,
Аккордъ родившейся свободы.

Онъ стягъ взялъ твердою рукой,
Свое наслѣдное богатство,
И развернулъ надъ головой:
„Свобода, равенство и братство“.

Онъ плугъ свой къ кузницѣ принесъ,
И мечъ сковалъ себѣ изъ стали,
И закалилъ въ порокѣ слезъ
Изъ урны дѣдовской печали.

Онъ въ руки взялъ и мечъ и стягъ—
И встрѣтилъ пѣсню пулемета,
И обливалъ свой каждый шагъ
Потокомъ крови, слезъ и пота.

Но твердо шелъ страдалецъ рабъ
Къ тому, о чемъ онъ такъ молился,
Онъ не былъ нѣмъ, онъ не былъ слабъ,
—Онъ пѣлъ, надѣялся и бился.

И вотъ отброшенъ пулеметъ,
Сокрушена царей твердыня,
И крикнулъ рабъ: „Иди, народъ,
Доселѣ рабъ, но братъ отнынѣ.“

Послѣдній разъ сверкнулъ мечемъ,
И, средь восторженного крика,
Предъ побѣдителемъ-рабомъ
Склонился сверженный владыка.

МЫСЛИ МІРЯНИНА.

О помѣстномъ Соборѣ православной Русской церкви.

„Я вѣровалъ и потому говорилъ: я сильно сокрушенъ, (псал. 115, 1)“.

Задача будущаго помѣстнаго собора Русской церкви состоитъ въ томъ, чтобы исправить ошибки прошлаго и настоящаго времени, вкравшіяся въ практику церковной жизни, вредно дѣйствующія на религиозную жизнь и нравственность современныхъ христіанъ. Исправить ошибки прошлаго и настоящаго времени задача не легкая, особенно же, если ошибокъ этихъ такъ много и онѣ такъ вѣдрили въ церковную практику, что приняли видъ законности, и стали чѣмъ то необходимымъ въ религиозной жизни народа.

Чтобы хорошо уяснить современное состояніе русской православной церкви, нужно обратиться къ исторіи: православная церковь въ Россіи получила начало свое отъ Византійской, въ 9-мъ вѣкѣ; въ это время церковь византійская уже не сохранила той чистоты вѣры, какая была въ первые вѣка христіанства; она въ это время находилась подъ сильнымъ вліяніемъ императорской власти. По повелѣнію императоровъ учреждались вселенскіе соборы, велась борьба съ ересями, которые нерѣдко брали верхъ надъ православіемъ, благодаря сочувствію къ лжеученіямъ нѣкоторыхъ императоровъ: и потому

постановленія нѣкоторыхъ соборовъ, подъ вліяніемъ императорской власти, нерѣдко противорѣчили Евангельскому ученію, какъ на примѣръ, правила такъ называемаго разбойническаго собора, иконоборческаго и другихъ. Не безъ вліянія мірской власти, каноны соборовъ ставились наравнѣ съ Евангельскими истинами, и даже тщательнѣе исполнялись постановленія соборовъ, чѣмъ завѣты Евангелія.

Одинъ современникъ 7-му вселенскому собору пишетъ: „что епископы того времени ни о чемъ другомъ не заботились, кромѣ лошадей, овцеводства, хлѣбопашества; они заботились, какъ бы повыгоднѣе продать свой зерновой хлѣбъ, свои вина, молоко, шерсть, шелкъ; а стада свои духовныя оставляли въ пренебреженіи; казалось, что ихъ обязанность состояла въ удовлетвореніи чувственныхъ потребностей, а не въ исполненіи своихъ духовныхъ обязанностей къ словесному стаду Христову“ (изъ исторіи вселенскаго собора Епископа Іоанна, стран. 325).

Такова была религіозная нравственность грековъ въ то время, когда русскіе приняли отъ нихъ вѣру; и потому нельзя удивляться, что вмѣстѣ съ пшеницею Христовою посѣяны были и плевелы. Посѣянные плевелы вззошли вмѣстѣ съ пшеницею, расцвѣли и приносятъ свой нагубный плодъ. Особенно же усилились плевелы съ времени Петра Перваго; и въ особенности въ наше время они такъ разрослись, что готовы заглушить совѣмъ пшеницу Господню.

Повидимому, мы, принадлежащіе къ православнои церкви, все имѣемъ, всю полноту благодатныхъ средствъ къ спасенію: таинства, чистоту догматовъ, правильно хиротонисанную іерархію; все это вполне православное, и все это пшеница изъ кошицы Господней. Но откуда же взялся печальный фактъ, который мы всѣ теперь видимъ? откуда взялись такіе люди, которыми попираются законы Божескіе и человѣческіе? Почему православная вѣра не прогрессируетъ, а регрессируетъ? вотъ вопросы, на которые долженъ серьезно отвѣтить помѣстный соборъ.

Въ наше ужасное время мы видимъ такихъ же людей, какихъ описалъ св. Апостоль Павелъ: „исполненныхъ всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбія, злобы, исполненныхъ зависти, убійства, распрей, обмана, злонравія, злорѣчія; (они) клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобрѣтательны на зло, непослушны родителямъ, безразсудны, вѣроломны, нелюбобны, непримиримы, немилостивы. Они знаютъ праведный судъ Божій, что дѣлающіе такія дѣла достойны смерти; однако не только ихъ дѣлаютъ, но и дѣлающихъ одобряютъ“. (Римл. 1, 29—32).

Это Апостоль написалъ о Римскихъ язычникахъ, но, увы, какъ это все приложимо къ намъ, людямъ XX вѣка, посящимъ имя православныхъ христіанъ! Не надо особенной наблюдательности, чтобы видѣть такія печальныя картины: начальствующіе, которые должны пешись о благѣ народа, „горды, надменны“ черствы сердцемъ, недоступны, признаютъ только свои права и не признаютъ никакихъ обязанностей; богатые, въ большинствѣ случаевъ, „обидчики, самохвалы, изобрѣтательны на зло“; стараются только о томъ, чтобы все забрать въ свои руки, не брезгуя ин-

какими средствами для утоленія своей алчности; рабочіе, сначала тѣснимые капиталистами, теперь сугубо мстятъ имъ, „будучи исполнены зависти, злобы, распрей, обмана, злонравія, стали богоненавистники“ и, ослѣпленные злобой и мщеніемъ, разрушаютъ то дѣло, которое давало имъ хлѣбъ. Надо ли говорить о жизни современной семьи? Пожалуй, скоро слово „семья“ будетъ пустымъ звукомъ, неимѣющимъ значенія; ноушнія семьи легко составляются, но еще легче разрушаются; одно неосторожное слово, одинъ недовольный взглядъ бываетъ причиною развода; безрелигіозные супруги легко относятся къ разводу; они не дорожатъ даже своими дѣтьми, подавая своей безпутной жизнью имъ примѣръ къ такой же безпутной жизни, концомъ которой часто является записочка: „не стоитъ жить“; и безпутная жизнь кончается петлей или пулей, или какимъ либо другимъ способомъ.

Тяжело рисовать картину современной жизни, рука дрожитъ и сердце замираетъ отъ ужаса, но совѣсть не позволяетъ молчать; нельзя смотрѣть равнодушно на столь страшную разруху великаго народа, нельзя погибающихъ успокаивать, подобно лжепророкамъ, и говорить имъ: „миръ, миръ“, тогда какъ мира нѣтъ. Нѣтъ, въ наше время никому нельзя закрывать глаза на современное зло; нравы современнаго человѣчества очень сходны съ нравами допотопныхъ людей, о которыхъ Господь сказалъ; „Не имать Духъ Мой пребывать въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть“.

Духовное состояніе нашего народа ужасно; есть ли средство оздоровить духовную природу его? Вотъ вопросъ, который должно разрѣшить помѣстному собору.

Разруха церковной жизни стала болѣе замѣтной съ 60-хъ годовъ прошлаго 19-го столѣтія; вмѣстѣ съ дарованными свободами народу Александромъ вторымъ стали проникать въ народъ и атеистическія идеи нигилистовъ, они прежде всего объявили войну христіанской вѣрѣ; хожденіемъ въ народъ и чрезъ литературу они старались поколебать авторитетъ церкви. Пастыри тогдашняго времени какъ то просмотрѣли, или не обратили серьезнаго вниманія на вредную дѣятельность сѣятелей плевель; о пастыряхъ церковныхъ того времени нельзя сказать, что они спали, нѣтъ они только сладко дремали, убаюкиваемые почестями своего высокаго положенія. Тогдашніе епископы, какъ и мірскіе администраторы, управляли всѣмъ посредствомъ бумажнаго дѣлопроизводства. живыхъ сношеній съ паствою не было, архипастыри знали свою паству только по донесеніямъ о. о. благочинныхъ; а благочинные обыкновенно доносили болѣе всего о томъ, что пріятно владыкамъ, т. е. что народъ въ церковь ходитъ, свѣчной доходъ есть, церковные налоги старосты платятъ исправно: стало быть, народъ православенъ, и все обстоитъ благополучно. Такъ доносилось владыкамъ, но совѣмъ было иначе на дѣлѣ: правда, что народъ ходилъ въ церковь, ставилъ свѣчи, служилъ молебны; но вмѣстѣ съ этимъ предавался безудержному пьянству, рѣдко проходили храмовые праздники безъ убійства, хулиганства и распутства, особенно въ послѣднее время, стали зауряднымъ явленіемъ. Но вотъ, кошмарная дремота высшихъ и низшихъ служителей церкви нарушилась; увидѣли они, что на

церковь надвигается бѣда, безвѣріе и сектанство день ото дня становятся сильнѣе и назойливѣе, церкви пустѣютъ, ихъ посѣщаютъ почти одни старики, а молодежь же не только городская, но и деревенская время проводить больше въ трактирахъ и другихъ веселыхъ мѣстахъ; чтеніе ихъ мало занимаетъ, если и читаютъ, то лишь развращающія сочиненія—Леонида Андреева, Горькаго, Арцибашева и другихъ враговъ Христовой истины; даже деревенская молодежь изъ разныхъ „биржевокъ“ и „копѣекъ“, и другихъ газетъ того же направленія знаютъ больше о Марксѣ, Бебелѣ и другихъ атеистахъ, чѣмъ о писаніяхъ Апостоловъ и Пророковъ...

Но вотъ грянулъ громъ, безпримѣрная война зажгла всемірный пожаръ, проснулись все, въ томъ числѣ и дѣлатели нивы Господней, они ясно увидѣли, что плевелы совсѣмъ заглушаютъ пшеницу Божию, и что нужно принять средства, чтобы воспрепятствовать росту ядовитыхъ плевелъ: возникъ вопросъ, какіе способы пригоднѣе для борьбы съ врагами; одни полагаютъ, что нужно повысить научный цензъ служителей церкви, и чтобы священническія мѣста, даже въ селахъ, замѣнять академиками; другіе возражаютъ имъ, (и не безъ основанія), „помилюйте, что это вы говорите, обратитесь къ фактамъ: въ Петроградскихъ церквахъ настоятели сплошь съ высшимъ образованіемъ, а гдѣ больше пороковъ, какі не въ Петроградѣ? обманъ во всемъ, звѣриная борьба за существованіе, гордость, жестокосердіе, и все дѣла плоти творятся въ этомъ новомъ Вавилонѣ, какъ нигдѣ; — возьмите наши высшія учебныя заведенія, гдѣ законоучителями, по большей части, состоятъ магистры, а много-ли они даютъ обществу христіанъ? Иные полагаютъ, что вся бѣда отъ того, что скудно даютъ вознагражденіе духовенству, они говорятъ: „дайте хорошіе оклады священникамъ, тогда и спрашивайте съ нихъ; только тогда къ пастырской дѣятельности можно привлечь лучшія силы“. Многіе находятъ, для того, чтобы полнѣе вѣру въ народѣ, нужно больше внѣшняго благолѣпія: крестныхъ ходовъ, служенія молебновъ съ акаѳистами, умноженія праздниковъ, и т. п.; а главное нуженъ патріархъ.

Но все эти перечисленные средства, пригодныя въ теоріи, совсѣмъ неоправдываютъ себя на практикѣ; рассмотримъ внимательнѣе, какъ объясняетъ слово Божіе пригодность тѣхъ или иныхъ средствъ для пастырской дѣятельности. О научномъ цензѣ слово Божіе говоритъ: „Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдъ звенящая, или кимвалъ звучащій“ (1 Корин. 13, 1); и еще въ другомъ мѣстѣ: „Мы все имѣемъ знаніе. Познаніе надмѣваетъ, а любовь назидаетъ. Кто думаетъ, что онъ знаетъ что нибудь, тотъ ничего еще не знаетъ такъ, какъ должно знать; но кто любитъ Бога, тому дано знаніе“ (1 Корин. 8, 1—3).

Изъ сихъ словъ Св. Писанія ясно видно, что для оздоровленія народной души требуется не научный цензъ, а любовь, какъ это указано въ первомъ текстѣ. Поистинѣ одна только любовь способна все созидать, а научныя знанія безъ любви ничего истинно полезнаго дать человечеству не могутъ.

Тѣ, которые полагаютъ, что если дать духовенству хорошее матеріальное обезпеченіе, то оно

будетъ болѣе работоспособно, глубоко ошибаются: за деньги можно получить только наемниковъ, а не пастырей. Апостолы ни съ кѣмъ не договаривались о наградахъ за свои труды; они твердо вѣрили словамъ Того, Который, посылая ихъ на проповѣдь, сказалъ: „трудящійся достоинъ награды“. Посему и апостоль Петръ пишетъ: „Пастырей вашихъ умоляю я, сопастырь и свидѣтель сраданій Христовыхъ, и соучастникъ въ славу, которая должна открыться: пасите Божіе стадо, какое у васъ, надзирая за нимъ не по принужденію, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но изъ усердія, и не господствуя надъ наслѣдіемъ Божиимъ, но подавая примѣръ стаду“ (1 Петр. 1—3).

Кто ради денегъ идетъ служить Богу, тотъ не можетъ быть полезнымъ дѣлателемъ въ виноградникѣ Господнемъ.

Обрядовое великолѣпіе безъ живой вѣры и любви есть только красивое зрѣлище, скорѣе похоть очей, чѣмъ средство для оживленія вѣры, скорѣе источникъ фарисейства, чѣмъ дѣло, угодное Богу.

Учрежденіе патріаршества тоже ничего не сдѣлаетъ для оздоровленія церкви, ибо все останется по старому; и лишь на язвы и струпы церкви Господней наложатъ красивый, но не исцѣляющій болѣзнь, пластырь.

Итакъ, что-же нужно для оздоровленія церкви и поднятія религіозной нравственности въ народѣ? Во первыхъ нуженъ помѣстный Соборъ, на которомъ желательно, чтобы было поменше толковъ о выгодахъ и правахъ іерархіи, и побольше о истинныхъ нуждахъ церкви; поменше изысканій, въ чемъ отступлено отъ заповѣдей человеческихъ, и побольше изслѣдованій, въ чемъ отступлено отъ вѣчныхъ завѣтовъ Иисуса Христа; пусть никто не говоритъ, что слова Евангелія есть только буква, у Господа нѣтъ буквъ, слова „Его суть Духъ и жизнь“. Во вторыхъ, немедленно сдѣлать приходъ живымъ членомъ тѣла церкви Христовой, (теперь же приходъ подобенъ членамъ тѣла, пораженнымъ параличемъ, а парализованные члены руки или ноги для всего тѣла бѣда.) Въ третьихъ нужно возвратитъ древнее право вѣрующему народу избирать епископовъ-пресвитеровъ и диаконовъ, это постановленіе апостольское. (смотр. Дѣян: Гл: 6, 2—4.)

Въ первыхъ вѣкахъ христіанства и въ послѣдующихъ народъ выбиралъ пастырей церкви и не ошибался, и церковь тогда была болѣе живая, чѣмъ теперь. Въ четвертыхъ, нужно, чтобы въ каждомъ уѣздномъ городѣ былъ самостоятельный епископъ, ибо невозможно правильно надзирать за паствою епископу, когда онъ поставленъ надъ цѣлою губерніей. Въ пятыхъ, должно исправить богослужебный уставъ, ненужное откинуть, а существенное пополнить и улучшить; совершать богослуженіе должно на русскомъ созерцательномъ языкѣ, а особенно чтеніе Евангелія, Апостольскихъ и пророческихъ писаній и Псалмовъ: ибо народъ нашъ невѣжда въ вѣрѣ потому, что не понимаетъ живаго слова Божія, читаемаго въ церкви на непонятномъ ему языкѣ.

Не слѣдуетъ очень полагаться на ученость представителей церкви, человеческая наука на практикѣ не оправдала себя; неученые Апостолы побѣдили языческій міръ, и просвѣтили его христіан-

ствомъ; а ученые проповѣдники оказываются безсильными удержать христіанскій міръ отъ возврата въ язычество. Я на говорю, что наука не нужна, нѣтъ, наука нужна, но чтобы она была проникнута свѣтомъ Христова Евангелія; чтобы въ академіяхъ, семинаріяхъ и во всѣхъ школахъ главнымъ профессоромъ былъ Иисусъ Христосъ Сынъ Божій, такъ какъ Онъ есть Единный истинный Учитель всего міра; ибо только Его учение „просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ“.

Вотъ что слѣдовало бы принять къ свѣденію отцамъ собора, и сказанное мною кратко, всесторонне разсмотрѣть и детально разработать.

Да умудритъ Господь отцевъ и братій, избранныхъ дѣятелями на помѣстномъ соборѣ; исправить поврежденное, уврачевать немощное, освѣтить темное; и правильно возвѣститъ людямъ истину Господню, чтобы они спаслись.

Григорій Спировскій.

БЕЗСИЛІЕ.

Кишитъ и клокочетъ, бурлитъ и вздымается
въ бѣшеной пляскѣ вода!
Пѣнится, мечется, хочется вырваться, но держатъ стѣны котла!
Крышка завинчена, крѣпко придавлена! Тщетны усилія-выхода нѣтъ,
Ты взалерти!.. А внизу море пламени жжетъ,
Бьешься въ безсиліи, рвешься безудержу и, исчезая въ тяжелой борьбѣ,

Ты посылаешь, какъ ненависть лютую-паръ,
что бѣжить по трубѣ!
Съ шумомъ и рокотомъ онъ вырывается,
бьется въ цилиндрахъ... Приводы шумягъ!
Прыгаютъ, кружатся шестерни, валики съ злобой другъ-друга вертятъ!..
Въ шумѣ и грохотѣ стали шлифованной льется
твой гнѣвъ, какъ потокъ!
А передастъ намъ твой вопль и отчаянье
—мѣдный фабричный гудокъ!

А. Лисинъ.

На зарѣ церковныхъ реформъ.

(Разсказъ.)

(Продолженіе.)

Изъ всѣхъ выраженій Апостола явственно слѣдуетъ, что власть епископа Тимофея въ отношеніи рукоположенія пастырей Церкви нисколько не ограничивалась волею или указаніями общины. За каждое посвященіе избраннаго имъ лица во священство Тимоѳею отвѣчаетъ только передъ Богомъ и собственною совѣстью, а не передъ „изби́ ателями“. Поэтому, на всемъ протяжении исторіи христіанской церкви простые вѣрующіе *никогда не добивались права избранія себя пастырей*, но церковная іерархія, руководясь высшими мотивами Божественной справедливости и всецѣло довѣряя искреннему усердію въ дѣлѣ благочестія перво-христіанской общинѣ, состоявшей *изъ подлинныхъ святыхъ, а не христіанъ только по имени*, сама добровольно допускала «простолюдиновъ» къ выборамъ на священныя должности, при чемъ это участіе мірянъ въ выборахъ членовъ клира вытекало *всегда не изъ существа дѣла, а по соображеніямъ духовной осторожности*, изъ боязни посягнуть на лицо недостойное и не пользующееся

уваженіемъ и общимъ довѣріемъ народа.

Вѣдь, избранники на священныя степени не подготовлялись, какъ нынѣ, въ спеціальныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, но выходили изъ среды «простолюдиновъ».

И естественно, что Апостолы, не обладавшіе Божественнымъ всевѣдѣніемъ, по необходимости должны были провѣрять свое избраніе «добрымъ свидѣтельствомъ отъ внѣшнихъ, чтобы не впасть въ нареканіе и въ сѣть діавольскую» (1-е Тимоѳ. III, 7).

Притомъ-же епископіи въ древней Церкви, особенно въ Африкѣ, не превышали размѣровъ нынѣшняго большого городского или сельскаго прихода, почему всѣ кандидаты на священныя степени были прекрасно извѣстны всѣмъ вѣрующимъ со стороны своихъ нравственныхъ качествъ; а если еще принять во вниманіе громадное одушевленіе вѣрныхъ въ эпоху первохристіанства и отсутствіе въ ихъ средѣ грубыхъ страстей, особенно—честолюбія и гордыни, то безпристрастіе въ дѣлѣ выборовъ тогдашнихъ пастырей станетъ для насъ вполне понятнымъ.

Смирение избранниковъ во священство и ихъ понятія о высотѣ и трудностяхъ пастырскаго служенія были настолько живы и глубоки, что многіе изъ достойнѣйшихъ кандидатовъ во епископы и пресвитеры упорно отказывались отъ рукоположенія и ихъ возводили на кафедру чуть не насильно...

Примѣрами въ этомъ смыслѣ могутъ служить—св. Іоаннъ Златоустъ, св. Амвросій Медиоланскій, св. Фотій, патріархъ Константинопольскій и мн. др.

Самое избраніе производилось *церковнымъ соборомъ* во главѣ съ іерархіей, и рѣшающее значеніе придавалось нравственнымъ и умственнымъ качествамъ избираемаго, а не большинству голосовъ избирателей, что ясно усматривается изъ древняго обычая, доселѣ сохраненнаго въ практикѣ церковной, возглашать трижды во время рукоположенія «аксіось» (достоинъ),—сначала отъ лица епископа, потомъ—пресвитерства, а затѣмъ—и церковнаго народа. Участіе вѣрующихъ въ выборахъ пастырей церкви являлось *добровольной, а не вынужденной уступкой* церковной іерархіей части своихъ Божественныхъ правъ вѣрующему народу,—уступкой, *которая всегда могла быть отмѣняема церковною властью*, какъ то и случилось впоследствии, въ виду множества открывающихся злоупотребленій въ дѣлѣ выборовъ (VII-го Вселенскаго Собора правило 3; Лаодик. прав. 13-е).

Въ нынѣшнее время пресвитеры и епископы избираются изъ лицъ, специально подготовляющихся къ своему высокому служенію въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и извѣстныхъ преданностью церкви и благочестіемъ.

Прихожане не могутъ теперь, съ пользою для дѣла Божія, участвовать въ выборахъ своего пастыря потому, что допускать къ церковному служенію полуграмотныхъ невѣждъ не рѣшится ни одинъ епископъ, а образованные кандидаты священства неизвѣстны избирателямъ; при томъ—же, при огромныхъ размѣрахъ нашихъ епархій,—какъ осуществить выборы каждаго клирика—*Церковнымъ Соборомъ*, подъ непремѣннымъ предсѣдательствомъ епископа и съ участіемъ лучшихъ представителей пресвитерства?

Слишкомъ настойчивое требованіе выборнаго начала пастырей *въ смыслѣ законнаго права прихожанъ*, узурпированнаго у нихъ будто-бы чрезмѣрно усилившейся властью церковной іерархіи, несомнѣнно возникло у насъ въ Россіи подъ вліяніемъ нѣмецкаго протестантства, проникавшаго широкою струею даже въ ограду нашихъ духовныхъ академій.

Протестантство-же, понявши посильное участіе первохристіанскихъ общинъ въ выборахъ пастырей въ смыслѣ абсолютнаго, Божественнаго права каждаго вѣрующаго указывать желательнаго ему предстоителя въ Господѣ, *разрушило самое священство, какъ особое избраніе Божіе, какъ Таинство, какъ власть свыше, а не отъ человѣковъ*.

Примкнуть къ такому взгляду на священство—значитъ отречься отъ догматовъ Православія, измѣнить истинѣ вселенскаго христіанства.

Повторяю: избраніе пастырей прихожанами мыслимо было лишь въ средѣ *подлинныхъ святыхъ*; съ упадкомъ-же въ вѣрующемъ народѣ христіанскихъ добродѣтелей и съ чудовишнымъ развитіемъ въ его средѣ чувственности, зависти, гордыни и другихъ пороковъ, наоборотъ, это право прихожанъ привело ко многимъ церковнымъ нестроеніямъ и вопіющимъ злоупотребленіямъ, о чемъ извѣстный знатокъ исторіи первохристіанства, проф. В. В. Болотовъ говоритъ слѣдующее. «Наименѣе оправданнымъ оказывается *предполагаемый демократическій принципъ церковной ерархіи*: нигдѣ мы не находимъ подтверждающихъ его фактовъ; рѣшительно нѣтъ примѣра, чтобы когда нибудь община посвятила себѣ пресвитера или епископа.

Православному догматическому воззрѣнію всѣхъ временъ противна мысль, чтобы епископство было учрежденіемъ не апостольскимъ.

Смыслъ догматическихъ требованій прекрасно выраженъ у Амброзіастера: „вѣдь, не возможно-же, *чтобы низшій поставлялъ высшаго*: никто не можетъ дать того, чего не получалъ («Лекціи по истеріи древней Церкви», томъ II, стр. 458). «Въ настоящее время, пишетъ въ другомъ мѣстѣ тотъ-же проф. В. В. Болотовъ,—*разлапольствія о выборномъ началѣ* взошли въ моду, и оно *находитъ мною сторонниковъ*, но я—не изъ ихъ числа.

По моему мнѣнію, эти господа должны обратить вниманіе на то, что если псифосъ (избирательный камышекъ, шарикъ) существовалъ, но затѣмъ отмѣненъ, то эта случилось не безъ уважительныхъ причинъ. Отношенія (въ частяхъ Единой церкви) до того искажены, что возстановленія псифоса у насъ, въ Россіи, принесло бы столько пользы, сколько—разведеніе виноградныхъ лозъ вдоль тротуаровъ въ Петербургѣ... Выборное начало было въ то время силою, но эта сила не была похожа на избраніе парламентарное потому, что она была огра-

ничена (нравственно--регулирующимъ принципомъ въ лицѣ церковнаго Собора). Въ настоящее время англичанина никто не посмѣетъ допрашивать, почему онъ подалъ голосъ за Гладстона, а не Дизраэли. Отвѣтъ съ его стороны могъ бы быть одинъ: „я такъ хочу“. А въ древней церкви было не такъ: если Соборъ узнавалъ, что обойденъ достойнѣйшій, то допрашивалъ, почему такъ. Приходилось указывать не свои пожеланія, а дѣйствительныя причины. Выборы находились подъ строгимъ контролемъ. Этотъ контроль долженъ былъ сдерживать дряненькіе инстинкты человѣческой натуры.

IV-й вѣкъ представляетъ уже неблагоприятный переломъ въ практикѣ избранія. Злоупотребленія въ это время встрѣчаются чаще... Обыкновенно избиралъ народъ; но многочисленная толпа часто превращалась въ „охлосъ“, и шла на безобразія. Поэтому право избранія стали предоставлять уже не всѣмъ мірянамъ, а только болѣе почетнымъ.—26 сент. 366 года умеръ римскій епископъ Либерій. 1 Октября 366 года былъ рукоположенъ преемникъ ему—Дамасъ. Но онъ былъ не единственнымъ избранникомъ. Противная партія избрала Урсина и посвятила его. Дѣло съ двумя кандидатами на кафедрѣ не обошлось безъ бурныхъ сценъ. *Бились на смерть*. Префектъ города Ювентій не могъ обуздать толпы и былъ вытѣсненъ въ предмѣстье. Нашлись радѣтели изъ партіи дамасіанъ, которые привлекли къ этому дѣлу квадригаріевъ (управляющихъ колесницами въ циркѣ). Можно себѣ представить, какъ они, вооруженные дубинами, постояли за церковь. 26 октября 366 года творилось такое безобразіе въ базиликѣ, что, по безпристрастному свидѣтельству Амміана Марцеллина, языческаго писателя, въ базиликѣ найдено было 137 труповъ изъ

партіи урсиніанъ, а по свидѣтельству другого автора, 160 труповъ. Когда урсиніане заняли базилику, то дамасіане пытались выломать въ ней двери или поджечь ее, чтобы вытѣснить оттуда ненавистныхъ противниковъ. Затѣмъ они взобрались на крышу и стали бросать въ урсиніанъ черепицы, и, наконецъ, поддерживаемые квадригаріями, ворвались въ базилику и начали здѣсь избіеніе. Спокойствіе-было восстановлено впоследствии посредствомъ казней и мірянъ, и клириковъ. Въ теченіе 2½ вѣковъ римскій престолъ пережилъ четыре выбора, которые всего менѣе могли внушить власти гражданской довѣріе къ свободному развитію церковной жизни. Однакоже Римъ можно еще признать образцовымъ городомъ въ отношеніи законѣрности и правильности въ замѣщеніи кафедръ. Въ Константинополѣ дѣла шли, пожалуй, еще хуже. Правда, лѣтописи—нашего періода насчитываютъ только одинъ случай, когда, во время борьбы между православнымъ Павломъ и аріаномъ Македоніемъ, въ 342 году погибли весьма многіе, и взбунтовавшіеся чернью убиты даже „магистеръ милитумъ“ (начальникъ городской стражи) Гермогенъ, а затѣмъ при интронизации Македонія въ церкви погибло до 3150 человѣкъ отъ меча и давки. Но за то всякій разъ, какъ эта кафедра становилась свободною, въ народѣ поднималось весьма сильное и опасное движеніе... Иногда волненіе принимало такіе размѣры, что императоры должны были отправлять цѣлыя военные отряды для поддержанія спокойствія столицы. Эти безпорядки, видимо, повторялись такъ часто, что историки говорятъ о нихъ, какъ о самой обыкновенной вещи“ („Лекціи по исторіи древней церкви“, томъ III, стр. 177—112).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свящ. Козубовскій.

С М Е Р Т И.

Подожди... пошайди... не сражайся со мною,
 Не грози мнѣ покоемъ могильнаго сна,
 Не отдамъ я тебѣ своей жизни безъ бою,
 Нока силы свѣжи, пока въ тѣлѣ душа.
 Не зови меня въ міръ безконечный и мрач-
 ный,
 Не прельщай сновидѣніями тайнъ гробовыхъ,
 Еще жажду я подвиговъ смѣлыхъ, опасныхъ,
 Еще полонъ я вѣры, надеждъ молодыхъ.
 Не зови меня въ вѣчность холодную, дальнюю,
 Вдохновенія святого въ груди не туши,
 Отврати свою силу могучую, тайную,
 Не волнуй безнадежнымъ сомнѣніемъ души.

Приходи, когда пламень въ душѣ потухать
 начинаетъ,
 Приходи когда сердце не бьется желаньемъ
 любви,
 Приходи, когда умъ отъ сомнѣній, тревогъ
 отдыхаетъ,
 Когда миръ благодатный царитъ въ моей
 пылкой груди...
 Приходи, когда я, обезсиленный страшной
 борьбою,
 Потеряю надежду на счастье и вѣру святую,
 Приходи, кога я ужъ поникну своей головою,
 Приходи ты тогда и возьми мою жизнь молодую..

Іустинъ Клименко.

КОЗЛЯТА.

(Продолженіе.)

XIII.

Въ понедѣльникъ вечеромъ все училище присутствовало на заупокойномъ богослуженіи въ своей домово́й церкви. Бурсаки стояли по обыкновенію рядками на правой сторонѣ, а лѣвая сторона для постороннихъ посѣтителей была совершенно пуста. Изъ корпораціи были почти все учителя и надзиратели во главѣ съ смотрителемъ, который съ озабоченнымъ видомъ пріютился въ углу у старостовской конторки.

А тотъ, кто всехъ собралъ сюда—приготовилъ Соше́ствіевскій—лежалъ неподвижно въ гробу, обитомъ розовой съ бѣлыми высѣчками матеріей и помѣщенномъ посреднѣ церкви на задропированномъ возвышеніи. Голова его покоилась на подушкѣ, отдѣланной рюшью; исхудалыя и прижатая къ груди руки съ вложеннымъ въ нихъ кипарисовымъ крестомъ казались такими большими, будто принадлежали не мальчику, а взрослому человѣку.

И странно было видѣть мнѣ это знакомое, всегда энергичное и подвижное лицо, такимъ спокойнымъ и равнодушнымъ, съ закрытыми глазами и золотымъ вѣнчикомъ на лбу! Минутами мнѣ казалось, что Соше́ствіевскій уснулъ, что сейчасъ онъ пробудится и я услышу его голосъ, интонацію и тембръ котораго я такъ еще живо представлялъ себѣ. Но почему-же блѣдныя губы его такъ плотно сжаты, лицо желтѣе воска, носъ заострился и не подымается дыханіемъ груди? Нѣтъ, это не сонъ. Такъ вотъ она смерть!.. Въ ра еще эта голова мыслила, рассуждала, эта грудь кипѣла то гнѣвомъ, то нѣжностью, эти блѣдныя уста произносили мольбы и жалобы, эти глаза, теперь закрытые, хорошо видѣли, вчера еще все это было человѣкомъ, а сегодня какая-то неподвижная масса, какой-то бездушный продолговатый, заключенный въ ящикъ предметъ, который надо убрать, опять въ землю, чтобы онъ не мѣшалъ живымъ.

Вокругъ гроба горѣли свѣчи, мигая и потрескивая. А впереди было сумрачно, и одинокіе тусклые огоньки лампадъ едва были замѣтны въ облакахъ ладана. Изъ совѣтъ темнаго алтаря время отъ времени вылетали скрипучіе возгласы о. инспектора, на клиросѣ не умолкало тихо-скорбное пѣніе, а въ окна уже заглядывала зимняя морозная ночь съ мириадами звѣздъ и яснымъ мѣсяцемъ въ голубомъ куполѣ.

Богослуженіе шло такъ стройно, торжественно, и вся церковная обстановка съ гробомъ по срединѣ говорила вамъ о бренности человѣческой жизни и суетности всего земного. Мы стояли, почти не шевелясь, какъ бы придавленные этимъ сознаніемъ, и тихо, тихо было въ нашихъ рядкахъ.

И вдругъ сзади, въ коридорѣ, примыкавшемъ къ церкви, слышимъ чьи-то торопливые тяжелые шаги, тревожные голоса. Невольно обращаемся и глаза наши устремляются на входную дверь. Въ церковь не вошли, а ворвались

какія-то лохматая закутанныя фигуры и между ними въ ватной шубкѣ дѣвочка лѣтъ 8.

Я еще не могъ разглядѣть лицъ вошедшихъ, но сердцѣ мнѣ подсказало, что это родители Соше́ствіевского и его сестренка.

Наконецъ-то, мой бѣдный другъ дождался ихъ!.. Но что-же онъ не встаетъ навстрѣчу имъ, не радуется, не говоритъ?

Фигуры съ шумомъ, въ замѣшательствѣ окружили розовый гробъ.

И тутъ крикъ отчаянья, хватающій за душу, пронизалъ воздухъ. Онъ и теперь еще звучитъ у меня въ ухахъ.

—Радость моя! Сыночекъ мой ненаглядный!—павалившись на гробъ и не обращая вниманія на богослуженіе, выкрикивала рыдающая мать и покрывала поцѣлуями бездыханное тѣло. Голова ея повязанная большимъ платкомъ, какими обыкновенно повязываются простыя женщины зимой, тряслась и кивала и вся ея невысокая фигура, облаченная въ какой-то старинный просторный салонъ, сдѣланный ей, вѣроятно, еще въ приданое, при тускломъ мерцаніи свѣчъ и уныломъ пѣніи, производила потрясающее впечатлѣніе.—Такъ вотъ гдѣ пришлось увидѣть тебя, моего соколика! Открой свои ясныя очи, пророни хоть словечко!

Дѣвочка тоже прилипла къ гробу и, плача, тянула какой-то одинъ нудный нескончаемый звукъ: „и-и-и!“

Отецъ-же, который, бывая подъ градусомъ, воображалъ, что его знаетъ вся епархія, стоялъ теперь поникшій, растерянный въ своемъ нелѣпомъ подрясникѣ, съ большимъ овчиннымъ воротникомъ, и одной рукой сморкался въ красный платокъ, а другой отводилъ отъ гроба жену, говоря сдержаннымъ басомъ:

—Перестань... Видишь, служба идетъ... Охъ, ужъ эти мнѣ бабы!.. Совершенно безъ понятіевъ...

Я уже не молился и не слѣдилъ за богослуженіемъ, все мое вниманіе было приковано къ гробу.

—Такъ вотъ они тѣ, кого такъ любилъ и такъ нетерпѣливо ждалъ мой покойный другъ,—думалъ я, чувствуя полнѣйшее разочарованіе. И хотя мнѣ было жалко ихъ, но въ душѣ я злорадствовалъ:—Плачете? это вамъ за то, что вы ни разу не навѣстили вашего сына!

Съ матерью Васи, въ блѣдномъ лицѣ которой было отдаленное сходство съ покойнымъ, я могъ еще мириться, но отецъ его, Иванъ Петровичъ, высокій плечистый, съ цѣлой конной рыжихъ волосъ на головѣ, съ широкимъ скуластымъ лицомъ, длинной огненной бородой и приплюснутымъ носомъ, уткнувшимся въ усы, былъ мнѣ положительно антипатиченъ.

Когда богослуженіе кончилось и мимо гроба, подергивая сухими костлявыми плечами, проходилъ о. инспекторъ, Иванъ Петровичъ низко поклонился ему и, сложивъ руки пригоршнями, подошелъ подъ благословеніе.

—Сынокъ?—съ участіемъ спросилъ у него инспекторъ.

—Да, о. инспекторъ, единственный—отвѣчалъ густымъ басомъ Иванъ Петровичъ.

—Какъ? У васъ больше нѣтъ дѣтей?

—Есть, но дочки-съ. Это вотъ старшенькая... Дуняша, подойди, цѣлуй батюшкѣ руку... вотъ... Остальные—мелюзга. Прискорбно-съ.

—Да, прискорбно. Вы когда получили нашу телеграмму?

—Вчера, вмѣстѣ съ письмомъ отъ Васеньки. Карандашикомъ изъ больницы настрочилъ, извѣщалъ, что боленъ и звалъ къ себѣ. Стали мы собираться въ дорогу, то да сѣ, а тутъ телеграмма... Не дождался—преставился... Охъ, Господи Боже нашъ...

И онъ громко высморкался.

Постепенно всѣ уходили изъ церкви, кромѣ очередныхъ двухъ четвертоклассниковъ, оставшихся читать псалтырь надъ покойникомъ.

Но я задержался. Я ожидалъ удобнаго момента, чтобы приблизиться къ этому несимпатичному мнѣ Ивану Петровичу и передать ему все, о чемъ просилъ меня Вася.

А тутъ подошелъ смотритель. Иванъ Петровичъ и ему низко поклонился и, когда смотритель подаль руку, то онъ сперва, кажется, хотѣлъ поцѣловать ее, но потомъ сообразилъ, что смотритель не духовная особа и ограничился тѣмъ, что бережно подержалъ ее въ своихъ рукахъ.

—Глубоко сочувствую вашему горю,—сказалъ Ивану Петровичу Владиміръ Владиміровичъ.—Вѣрьте, что ваша утрата больна и моему сердцу. Были употреблены всѣ средства, чтобы спасти мальчика, но усилія наши, какъ видите, не увѣнчались успѣхомъ.

—Воля Божія, съ покорностью произнесъ Иванъ Петровичъ.—Но жалко... единственный, вѣдь!

И онъ опять громко высморкался.

—Я хотѣлъ поговорить съ вами относительно похоронъ,—продолжалъ Владиміръ Владиміровичъ.—Конечно, всѣ расходы по погребенію училище принимаетъ на себя. Мы думали хоронить вашего сына завтра послѣ литургіи. Что вы на это скажете?

—А что же я скажу? По мнѣ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Не воскреснетъ! А намъ понапрасну проживаться въ городѣ не стоитъ. Да и дома кашу оставили малъ мала меньше на попеченіе старушки, которая сама требуетъ ухода. Какъ бы грѣха какого ни случилось!

—Гдѣ вы естановились?

—Родственниковъ нѣту, такъ на постояломъ дворѣ. Мы лошадкой пріѣхали. Своя у насъ. Охъ, Господи Боже!.. Я вотъ хотѣлъ спросить у васъ, о. смотритель, на счетъ Васенькинаго сундучка, матрасика и прочаго, что осталось. Когда все это можно получить? Конечно, это не стоящіе пустяки, но какъ мы люди бѣдные...

—Когда угодно. Надо только все разыскать. Да вотъ, кажется, другъ покойнаго,—замѣтивъ меня, добавилъ смотритель.—Онъ вамъ укажетъ.

—Ахъ, миленькій!—обернувшись, сказалъ по моему адресу Иванъ Петровичъ и погладилъ меня по головѣ своей заскорузлой рукой, пахнувшей лошадинымъ потомъ.—Такъ вы, голубчикъ, постарайтесь, молодецъ будете!

—Кушали-ль вы что-нибудь сегодня?—освѣдомился у Сошествіевскаго Владиміръ Владиміровичъ.

—Гдѣ ужъ! Хлѣбца немного пожевали, а то все ѣхали.

—Ну, такъ заходите съ семьей ко мнѣ въ квартиру, поужинаемъ вмѣстѣ.

—Покорнѣйше-съ благодарю, ужъ очень вы беспокоитесь.

Непрѣмѣнно заходите.

—Слушаю-съ, пошли вамъ Богъ здоровья.

Смотритель и инспекторъ направились къ выходу.

Церковникъ тушилъ лампы передъ алтаремъ. Балда, вставъ передъ аналоемъ за гробомъ, оттопырилъ губы и какимъ-то дѣланнымъ гнусавымъ голосомъ началъ нараспѣвъ читать: „Блаженъ мужъ, иже не иде на со-вѣтъ не-че-сти-выхъ...“ Въ корпусѣ гремѣлъ звонокъ, съывавшій бурсаковъ на ужинъ.

А бѣдная мать не могла утѣшиться, плакала и припадала къ покойнику, шепча безсвязныя слова.

—Ну, какъ же намъ быть-то, миленькій, съ вещами Васи?—обратился ко мнѣ Иванъ Петровичъ.—Ужъ вы пожалуйста не оставьте меня.

—Хорошо, я буду ждать васъ здѣсь послѣ ужина.

—Ладно. Вотъ только затрудненіе у меня на счетъ смотрительскаго приглашенія: сейчасъ идти къ нему или ужъ послѣ?

—Идите сейчасъ,—посоветовалъ я.

—А вдругъ задержимся тамъ?

—Все равно я буду ждать васъ хоть до полуночи.

—Ахъ, херувимъ вы мой... Ну, будь по вашему!

Иванъ Петровичъ подошелъ къ своей супругѣ и сталъ шептать ей на ухо. Та выслушала его и отрицательно покачала головой. Тогда онъ отвелъ ее нѣсколько въ сторону и опять зашепталъ, доказывая что-то. Послѣ этого она перекрестилась, положила земной поклонъ и, взявъ дѣвочку за руку, пошла изъ церкви за мужемъ обезсиленная горемъ, едва волоча ноги.

—... Господи, да не яростію Твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеша мене... Помилуй, мя, Господи, яко немощенъ есмь,—гнусилъ имъ въ слѣдъ голосъ Балды.

Послѣ ужина побывалъ съ Иваномъ Петровичемъ въ больницу, въ классъ, спальнѣ, сундучной, у кастелянши—словомъ, вездѣ, гдѣ были какія либо вещи моего покойнаго друга.

Иванъ Петровичъ, выпивъ у смотрителя водки, повеселѣлъ, рѣже сморкался и только повторялъ: „Охъ, жизнь человѣческая!“

Когда, наконецъ, мы собрали все до мелочи, даже грязное бѣлье, то взяли съ собою и дочь Ивана Петровича и всѣ вмѣстѣ отправились на постоялый дворъ.

Здѣсь, въ тѣсной камерѣ, озаренной тусклымъ мерцаніемъ свѣчи, супруги Сошествіевскіе принялись разбирать Васнины пожитки.

—А парочка советѣмъ еще новенькая,—укладывая въ сундучекъ блузу и брюки Васи, замѣтилъ Иванъ Петровичъ.—Можно будетъ писарю для Никитки продать. Вотъ бѣлья никакъ не досчитаюсь... Нѣтъ четвертой перемѣны.

—Да на немъ-же четвертая, на поксйничкѣ, —сквозь слезы пояснила дьячиха.

—Да, это точно,—сообразилъ Иванъ Петровичъ.—Видишь ли, Марья Васильевна, какъ смотритель сказалъ мнѣ, что погребеніе на счетъ училища, то я думалъ, что и бѣлье на Васю казенное надѣли. Анъ поскупились.

Я слушалъ—и всѣ эти мелочные расчеты и соображенія казались мнѣ такими дикими и преступными.

Дуняша разсматривала фонарики, но ротъ ея кривила зѣвота, она устала и видно было, что фонарики въ данную минуту совсѣмъ не интересовали ее.

—Ты спать хочешь, гулубка, прилягъ,—сказала ей мать.

Дѣвочка воспользовалась разрѣшеніемъ и сейчасъ-же повалилась на единственную въ комнатѣ кровать.

—Книжки не всѣ,—разведя руками, пробасилъ Иванъ Петровичъ.—Часословца,—помнишь жена, Березовскаго дьякона подарокъ?—въ кожаномъ переплетѣ, не оказывается.

—Да ужъ будетъ тебѣ докапываться... До того-ли теперь?—сердито возразила Марья Васильевна.

—Такъ-то оно такъ, а жалко... Хорошій часословець, всѣ молитвословія въ немъ на ряду... Теперь такихъ, пожалуй, не напечатають.

—Завтра поищу въ классѣ,—сказалъ я.—Можетъ, Вася далъ кому-нибудь изъ товарищей.

—Чудеснѣйшій вы мой, поищите. Большое одолженіе сдѣлаете.

—Вѣчно ты съ своимъ скопидомствомъ затрудняешь другихъ,—замѣтила Марья Васильевна и, разсматривая брошенные Дуняшей фонарики, обратилась ко мнѣ:—Неужто Вася самъ все это сдѣлалъ?

—Да, самъ,—отвѣчалъ я.

Это онъ въ бурсѣ научился, дома онъ не умѣлъ... И какъ искусно сдѣлалъ... Бѣдненькій!

—Вася просилъ, чтобы нѣсколько фонариковъ удѣлили сыну писаря-Никишкѣ.

—Охъ, заботливый мой! Охъ, ненаглядный! Никого-то онъ не забылъ.

И она опять начала плакать. Потомъ успокоившись, снова обратилась ко мнѣ съ просьбой рассказать все подробно о послѣднихъ дняхъ жизни Васи.

Я началъ рассказывать, какъ умѣлъ. Она подѣсла ко мнѣ и старалась не проронить ни одного слова. Иногда останавливала меня и переспрашивала: „Такъ такъ и сказалъ Вася? Несчастненькій мой!“ И заливалась слезами.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ев. Богославскій.

ПО ЗЕМЕЛЬНОМУ ВОПРОСУ.

Обнародованъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ по земельному вопросу. Изъ многихъ мѣстъ—говорится въ циркулярѣ,—поступаютъ свѣдѣнія, что населеніемъ допускаются захваты запашекъ и засѣвы чужихъ полей, снятіе рабочихъ и предъявленіе непосильныхъ для сельскихъ хозяевъ экономическихъ требованій. Племенные скотъ уничтожается, инвентарь расхищается, культурныя хозяйства погибаютъ, чужіе лѣса вырубаются, заготовленные для отправки лѣсные матеріалы и дрова задерживаются и расхищаются. Одновременно съ этимъ, частные хозяева оставляютъ свои поля незабѣянными, а посѣвы и сѣнокосы—неубранными.

Такія условія сельскаго и лѣсного хозяйства грозятъ неисчислимыми бѣдствіями арміи, странѣ и существованію самаго государства.

Испытанія, которымъ сейчасъ подвергается революціонная Россія, требуютъ высшаго напряженія всѣхъ хозяйственныхъ силъ. Необходимо спасти страну отъ вражеской опасности извнѣ, отъ голода и продовольственнаго истощенія внутри. Самочинное распределеніе земельныя угодій вноситъ анархію въ земельныя отношенія, понижаетъ количество нужнаго для Россіи продовольствія и увеличиваетъ опасность надвигающагося голода.

Не менѣе губительны всякія самочинныя вмѣшательствомъ разстроить лѣсное хозяйство, ибо онѣ повлекутъ за собой недостатокъ топлива на фабрикахъ и заводахъ, работающих на оборону, и для желѣзныхъ дорогъ, и для населенія, особенно городского. Такимъ образомъ

легко пріостановится вся хозяйственная жизнь страны, и обезсиленная революціонная Россія должна будетъ пасть въ истощеніи.

Временное правительство, въ сознаніи своей ответственности передъ революціей, не можетъ допустить такого разстройтва въ хозяйствѣ. Облеченное полнотою революціонной власти, оно, закономъ отъ 12-го Іюля, приняло уже мѣры къ тому, чтобы весь земельный фондъ былъ сохраненъ въ неприкосновенности до созыва учредительнаго собранія, которое передастъ землю въ пользу трудящихся. До того попытки самочиннаго осуществленія земельной реформы на мѣстахъ рѣшеніями мѣстныхъ комитетовъ и крестьянскихъ съездовъ должны быть признаны недопустимыми, о чемъ населенію должно быть объявлено. Подобныя постановленія о захватѣ и распределеніи частновладѣльческихъ земель наносятъ явный ущербъ революціи, разстраиваютъ хозяйство, ведутъ къ междоусобицѣ и допущены быть не могутъ.

Равно недопустимо и использование землевладѣльческихъ свободныхъ угодій. Эти правила должны быть урегулированы продовольственнымъ комитетомъ, согласно съ закономъ 11-го апрѣля, инструкціей министра труда отъ 30-го мая.

Никакіе другіе комитеты не имѣютъ права брать на себя урегулированіе вопроса о засѣвѣ и уборкѣ полей, и ихъ постановленія не обязательны для населенія. Призывы къ земельнымъ захватамъ должны преслѣдоваться со всею строгостью закона.

Мѣстные земельные комитеты, губернскіе, уѣздные и волостные, должны, въ урегулированіи арендныхъ поземельныхъ отношеній, дѣйствовать въ строгомъ соотвѣтствіи съ постановленіями временнаго правительства отъ 21-го Апрѣля и инструкціей министерства земледѣлія отъ 16-го Юня сего года, и никакое превышеніе ими своей власти допущено быть не можетъ. Равнымъ образомъ не можетъ быть допущено вмѣшательство въ ихъ законную компетенцію какихъ-либо другихъ организацій, составленныхъ не согласно съ постановленіемъ о земельныхъ комитетахъ.

Угрожающее состояніе народнаго хозяйства и серьезная опасность, передъ которой стоитъ революціонная Россія, требуютъ принятія скорыхъ

и рѣшительныхъ мѣръ къ прекращенію всѣхъ самоуправныхъ дѣйствій въ области земельныхъ отношеній. При содѣйствіи мѣстныхъ земельныхъ комитетовъ и общественныхъ революціонныхъ организацій такія мѣры должны быть вами проведены.

Предлагаю немедленно использовать опытъ, указанія и поддержку всѣхъ мѣстныхъ революціонныхъ силъ и приступить къ осуществленію указанныхъ мѣръ.

Настоящій циркуляръ издается въ полномъ согласіи съ министрами продовольствія и земледѣлія, которые дадутъ подвѣдомственнымъ имъ органамъ соотвѣтствующія указанія.

Отъ редакціи.

Журналь „Къ СВѢТУ“ духовенству и церквамъ Тверской Епархіи высылается въ настоящее время вмѣсто „неофициальной части“ Тверскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей и за счетъ ея. Такая постановка дѣла вызвана была слѣдующими обстоятельствами. Со смерти бывшаго Редактора „Тв. Еп. Вѣд.“ протоіерея М. П. Любскаго, редакція послѣднихъ, согласно постановленія Епархіальнаго Съѣзда 1907 года и пожеланія собранія духовенства г. Твери отъ 20 марта 1917 г., перешла въ вѣдѣніе Комиссіи Тверского Епархіальнаго Съѣзда. Какъ разъ такой переходъ совпалъ со временемъ переворота у насъ и оживленіемъ русской мысли и общественности. Воскресли былыя мечты и объ оживленіи мѣстнаго Епархіальнаго органа.

Казалось, что для сего наступилъ удобный моментъ. Когда пали цѣпи рабства, когда для великой Руси настали дни свободы слова, когда всевозможныя и многочисленныя партіи и организаціи успѣли обзавестись своими печатными органами и выступили на защиту своихъ партійныхъ интересовъ, думалось, что и духовенство мѣстной церкви проснется отъ своей долгой спячки и выступитъ со свободнымъ, смѣлымъ, и правдивымъ словомъ на защиту тѣхъ вѣковыхъ устоевъ, на которыхъ строилась Русь православная, на защиту Церкви Христовой, и ея ученія, на защиту, наконецъ, своихъ правъ и обязанностей; думалось, что пастыри церкви Христовой въ эти страшные дни, дни тревогъ и сомнѣній, безвѣрія и адской злобы, развернуть свое свѣтлое знамя христіанской свободы, братства и любви и поведутъ свое мятущееся словесное стадо къ Источнику СВѢТА и Правды и Любви—Христу.

Казалось, что въ переустройствѣ органа примутъ участіе новыя и лучшія силы епархіи. Вопросъ о реформированіи епархіальнаго органа и его оживленіи предположено было внести на обсужденіе чрезвычайнаго Епархіальнаго апрѣльскаго съѣзда духовенства и мірянъ. Но мечты такъ и остались мечтами. Апрѣльскій Чрезвычайный Епархіальный Съѣздъ духовенства и мірянъ „занятый болѣе серьезными и важными вопросами“, не удѣлилъ времени такому маловажному и второстепенному вопросу, какъ мѣстный епар-

хіальный органъ. Духовенство по прежнему продолжало молчать. Редакція оставалась по прежнему безъ живого и интереснаго матеріала. Кромѣ сухихъ отчетовъ, списковъ, указовъ, циркуляровъ въ распоряженіе Редакціи ничего не поступало такого и теперь не поступаетъ. Между тѣмъ, цѣны на бумагу и печать быстро и немовѣрно росли съ каждой недѣлей. Что оставалось дѣлать Комиссіи Съѣзда при такихъ обстоятельствахъ?

Между тѣмъ какъ на меня, какъ председателя Комиссіи Еп. Съѣзда, и пала вся забота и работа по редакц. Еп. В., не только неофициальной части, но, съ отъѣздомъ г. Секретаря Дух. Консист. въ отпускъ, и части официальной, Я, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ съ одной стороны и желая дать духовенству и мірянамъ епархіи хоть какую-нибудь духовную пищу съ другой стороны, съ вѣдома епархіальнаго церковнаго совѣта и согласія Комиссіи, и рѣшилъ разсылать по епархіи вмѣсто неофициальной части „Твер. Еп. Вѣд.“ журналь „Къ СВѢТУ“, форматъ официальной части пришлось видоизмѣнить въ цѣляхъ удобна и удешевленія разсылки. Въ іюль мѣсяцѣ Епарх. Совѣтъ при Архіепископѣ рѣшилъ было взять веденіе епархіальнаго органа въ свое вѣдѣніе, избравъ для сего Комиссію въ лицѣ о. К. М. Ветлина А. Н. Воскресенскаго и Н. К. Буравцева, и предполагалъ испросить у Епархіальнаго Съѣзда, бывшаго въ августѣ, добавочныхъ средствъ на веденіе реформированнаго органа, но послѣдній Еп. С. опять таки вопросъ объ епархіальномъ органѣ не обсуждалъ и вопросъ объ органѣ опять повисъ въ воздухѣ.

Окончательное разрѣшеніе вопроса, кажется, ставится въ связи съ возвращеніемъ въ Тверь Архіепископа Серафима. Какъ прискорбно, что духовенство Тверской епархіи такъ мало удѣляетъ вниманія своему родному органу. Пора бы, кажется, въ вопросѣ объ оживленіи органа, отъ слова перейти къ самому дѣлу. Слова эти слышались не теперь, раздавались они и на Епархіальныхъ Съѣздахъ прежнихъ лѣтъ, но допустимъ, что времена тѣ были другія, а теперь ссылаются на время то и обстоятельство, казалось бы, какъ будто стыдненько.

